

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРЕВЕНТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ УЧИТЕЛЕЙ БЕЛАРУСИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX в.)

Острога В. М.

Белорусский государственный технологический университет
(г. Минск, Беларусь)

Аннотация. В статье подчеркивается, что деятельность учителя никогда не замыкалась только на исполнении непосредственно учебных обязанностей, она подразумевает одновременно и выполнение воспитательных функций. Автор рассматривает систему превентивного воспитания, которая использовалась в педагогической практике учителей Беларуси во второй половине XIX – начале XX в. Она включала совокупность различных способов и средств воздействия, направленных на предупреждение отклонений в поведении учащихся (аморальных поступков, плохих привычек, грубости, краж, лжи, лени и т.д.).

Ключевые слова: превентивное воспитание, педагогическая деятельность, учитель, учебно-воспитательный процесс, система поощрений и наказаний.

Summary. The article emphasizes that the teacher's work has never been closed only on the performance of academic duties directly, it also implies the fulfillment of educational functions. The author examines the system of preventive education, which was used in the pedagogical practice of teachers of Belarus in the second half of the 19th - early 20th centuries. It included a combination of various methods and means of action aimed at preventing deviations in the behavior of students (immoral acts, bad habits, rudeness, thefts, lies, laziness, etc.).

Keywords: preventive education, pedagogical activity, teacher, educational process, the system of rewards and punishments.

Под школьным воспитанием в официальной педагогике XIX – начала XX в. понимался сложный, многосторонний процесс развития и формирования личности в ходе классных и внеклассных занятий. Цели воспитания отражали менталитет эпохи: школьные учителя обязывались обществом направлять свои усилия на воспитание смиренномудрых, благочестивых, законопослушных, образованных и трудолюбивых граждан об-

щества. Качество и результативность, методы и средства воспитательной работы зависели от многих обстоятельств: от уровня развития педагогической науки, исторической обстановки и характера внутренней политики российских властей, а также от педагогических традиций, личных и профессиональных качеств учителей [1, с. 107].

В различных нормативно-правовых документах, издаваемых Министерством народного просвещения и канцелярией Виленского учебного округа, подчеркивалось, что преподавание и воспитание являются «равнозначными» «нераздельными» процессами. «Живая и плодотворная постановка учебной деятельности» школы, где господствовал «разумный, строгий и деловой порядок», в значительной степени способствовала и успешности ее воспитательной деятельности. Попечитель Виленского учебного округа И. П. Корнилов отмечал: «Наша задача заключается не только в том, чтобы с воспитывающейся молодежью пройти школьные знания, требуемые учебными программами, но главное, чтобы посредством всей системы школьных знаний и влияний личных примеров и советов развить в молодых людях чувство истинной чести, долга, внушить им твердые нравственные убеждения и приготовить верных слуг Государю и России. Надо помнить, что в деле приготвления молодых сил к самостоятельной жизни, наука... есть только средство» [2, с. 162].

В Министерстве народного просвещения поступали донесения учебно-окружных управлений относительно фактов, свидетельствующих об упадке дисциплины, в первую очередь, в средних учебных заведениях и городских училищах: о распущенности, «вредном направлении мысли» среди учащихся старших классов, грубых и дерзких выходках по поводу полученных неудовлетворительных отметок, отказах исполнять распоряжения учителей и руководства учебных заведений. Встречались также случаи «прямого нападения учащихся на лиц педагогического персонала и нанесения им оскорбления действием», участие в противоправительственной пропаганде и различных акциях и др. Появлялась необходимость оперативного реагирования на очевидные нарушения установленных правил деятельности учебных заведений.

Для формирования личности будущего гражданина и профилактики противоправных деяний со стороны учащихся практиковался широкий круг средств и методов. Руководство Виленского учебного округа отмечало: «Учитель должен помнить, что урок сам по себе служит орудием воспитательного воздействия... Обучение не должно носить искусственно назидательного характера». Понятно, что тактичное и уважительное отношение к ученикам формировало бы соответствующую атмосферу в учебном заведении, доброжелательную образовательную среду, предотвращала бы различные конфликты и отклонения от принятых «норм приличия и поведения». Высказывались категорические требования о том, чтобы «преподаватели и начальствующие лица не позволяли себе в обращении с учениками грубых и язвительных замечаний. Исправлять неверный или неудачный ответ учащихся нужно спокойно, строго деловым тоном, не поднимая ученика на смех, не допуская раздражительности или колкости. Из всякого слова наставления учителя... воспитанник должен выносить впечатление, что с ним говорят по чувству долга и по заботливости о его же благе» [3, л. 6]. Подчеркивалось, что «не обогащающий своих познаний, не совершенствующий своих преподавательских приемов учитель приносит не только дидактический, но и педагогический вред».

Учебно-воспитательная деятельность в средних учебных заведениях являлась непосредственной обязанностью директора, инспектора, преподавателей, а также классных наставников: «за учебным предметом и преподающим лицом признавалась нравственная сила, которая главным образом и должна воспитывать в школе». Логика воспитания в ходе обучения строилась на определенных требованиях к поведению учащихся на уроке и отношении к учебной деятельности. Приучали аккуратно выполнять домашние задания, овладевать определенной системой знаний, быть внимательным и старательным, прилежно вести себя в стенах учебного заведения и выполнять указания педагогов. В обязанность учителя входили также организация и проведение внеклассных мероприятий, курирование учащихся в учебных заведениях и за их пределами.

Инспектора и дежурные педагоги также осуществляли внеклассный надзор за поведением своих подопечных. В общественных местах учащимся запрещалось нарушение установленной формы одежды, курение, громкое «окрикивание друг друга». Отлучки из квартир в учебную пору года в будние дни разрешались до 6 часов вечера, в воскресные и праздничные дни – до 8 часов вечера. Строго воспрещалось посещение трактирных и пивных заведений. Существовали ограничения и для посещения театров, цирка и кино (только с разрешения учебно-начальства). Так, в инструкциях руководства учебного округа неоднократно говорилось, что «в кинематографах весьма часто демонстрируются картины, рассчитанные на удовлетворение низменных инстинктов толпы и для молодых людей и детей, безусловно, вредные, ...воспитанникам средних и низших учебных заведений воспрещается посещение подобного рода зрелищ без разрешения начальства» [4, л. 199].

В педагогической практике того времени применялись различные методы воспитания, но наиболее распространенными были поощрение и наказание. В качестве поощрения «прилежных и успешных» учащихся использовались такие средства, как присуждение наиболее прилежным и достойным медалей, вручение похвальных листов, подарков, книг, «поименование» лучших учеников во время торжественных мероприятий, освобождение от платы за обучение, назначение нуждающимся стипендий и денежных пособий, бесплатное участие в проводимых экскурсиях, благодарственные письма родителям и др.

Одновременно разной виделась и допустимая мера наказаний. Среди них самыми архаичными и антигуманными являлись телесные наказания, которые формально были запрещены в 1864 г. Различные правила и инструкции указывали, что они «ни в коем образе и ни в коем случае не допускаются, хотя бы и сами родители просили об этом учителя» [5, с. 1886]. Как отмечали в своих дневниках и воспоминаниях народные учителя, «домашняя деревенская педагогика весьма сурова: детей бьют за малейший проступок, и бьют больно... мужицкая рука тяжела» [6, с. 34]. В силу невежества и старых патриархальных традиций они были уверены, что физическое наказание действует куда более внушительно, нежели слово. Несмотря на запрет, еще долгое время встречались учителя, применявшие их. В некоторых школах хранились «орудия детских пыток в виде мешочков с острым зерном, кирпичей, специально толстых дубовых линеек, ногаек; «знатоки» предпочитали линейку палке, потому что удар острым ребром куда больнее круглой поверхности». За уклонение от побоев «еще набавляли, как за дерзость» [7, с. 22]. Яркой демонстрацией «педагогического садизма» являлись средства и методы воспитания – профилактики и назидания, практиковавшиеся в Старопогостинской школе Витебской губернии. По воспоминаниям бывших учеников, в 1890-е гг. встречались случаи бития «растянутых на скамейке учеников». Одному из них «за приставание к девочкам во время перерыва в темных сенях» «высыпали» до 50 ударов прутьями по голому телу в присутствии отца виноватого и с его согласия, а также в присутствии обиженных. За невыученный урок или мелкие проступки «рука учителя выделяла «лапы» (удары линейкой по рукам), «закрутни» (относились к ушам) и «затрецины» («подзатыльники») [8, с. 28].

Телесные наказания были вытеснены из воспитательной практики под влиянием прогрессивных требований общественно-педагогического движения: устав 1864 г. запретил применение в гимназиях и прогимназиях телесных наказаний. Но общественностью это решение было принято неоднозначно. «Наказание розгами», как свидетельствуют архивные документы второй половины XIX в., иногда применялось на практике как средство воспитания «в исключительных случаях» и «с согласия родителей». Так, в Мозырской прогимназии вплоть до 1871 г. в качестве наказания применялись стояние на коленях в классе и розги. Как свидетельствуют протоколы заседания Педагогического совета, телесные наказания «как высшая мера взыскания» применялись за «умышленно произведенный угар в классе», за «удар по лицу», за «смех во время классной молитвы» и др. В этот период времени в качестве следующего наказания «за дурное поведение» было занесение фамилии ученика на классную черную доску (от недели до месяца). Это считалось последним предупреждением, а в случае «неисправления» ученик подлежал исключению из учебного заведения [9, с. 70].

С середины XIX в., по словам современников, «свежим воздухом» повеяло во многих средних учебных заведениях: педагогический коллектив активно пополнялся молодыми прогрессивными преподавателями, порки не было уже в помине... прекратились воспитательские, а то и преподавательские щипки и колотушки, и всем ученикам, невзирая на возраст, стали говорить – «вы!» [10, с. 19].

В «Правилах о взысканиях» 1874 г. подчеркивалось, что наказания отводятся исправляющая и предупреждающая функция. При определении наказания нужно было руководствоваться внутренней сущностью проступка, его мотивами, а также учетом темперамента ученика, условиями совершения этого деяния. В годовых отчетах о работе средних учебных заведений, касаясь воспитательной работы, все чаще можно было встретить записи: «каждый проступок ученика ставился ему на вид, показывалась дурная сторона такого словом». Практиковались такие меры взысканий, как выговор со стороны учителя, одинокое сидение в классе после уроков, запись имени на черной доске, оповещение родителей, заключение в карцер и т.д. В крайнем случае исключали из гимназии (например, «за воровство, за нравственную испорченность», «плохие успехи в науках»). За особо дерзкие поступки «исключались без права поступления в какое бы то ни было другое учебное заведение».

В средних учебных заведениях и городских училищах велись кондуиты – специальные журналы, в которых фиксировались проступки учеников с указанием даты и меры взыскания (например, невнимателен, шалит на уроках, дурно сидит, бегает по классу во время перемены, занимается на уроках посторонними делами, не показывает дневник родителям и вычеркивает отметки, самовольно ушел из-под стражи, подсказывает товарищу ответ и др. В качестве наказания практиковались: внушение, выговор, оставление в классе на 1 час для приготовления уроков или в карцере на 1–2 часа, вызов родителей и др. [11, л. 1–40]. Эти меры воздействия были направлены, прежде всего, на то, чтобы подтолкнуть учащихся к критической самооценке своего поведения, к искреннему раскаянию в тех случаях, когда были допущены аморальные поступки, чтобы предупредить их новое проявление.

В педагогическую практику все шире проникали демократические и гуманистические идеи, которые активно пропагандировались известными учеными-педагогами и передовой общественностью страны. Так, отличительной особенностью системы воспитания, принятой, в том числе, и в Бобруйской прогимназии с начала XX в., являлось «стремление устранить наложения наказаний на учеников, пользоваться в широких размерах разъяснениями проступков учеников и убеждением их поступать хорошо, вообще более сердечное отношение к ученикам. Практика показала, что такое отношение воспитательного персонала к ученикам сильно повлияло на количество проступков учеников, уменьшилось сравнительно с предшествующими годами в два-четыре раза» [12, л. 163].

Учебное начальство обращало внимание на то, что на первом месте «в качестве воспитательных средств должен быть личный пример законоучителя и всех наставников». «Учащий», который «собственной образцовой жизнью» заслужил в глазах детей авторитет и уважение, становился примером для подражания. Такой характеристике мог и может позавидовать любой педагог: «Учитель нашей школы на развитие нравственных моих чувств повлиял устойчивостью и силою своего характера, образцом, достойным подражания, своею добротою, вдохновением детей к честности и добру, желание что-либо сделать доброе в жизни, развитием у нас привычки к упорному и тяжелому труду и, наконец, обучением детей быть всегда справедливыми во всяком деле» [13, с. 25].

В годовых отчетах директора учебных заведений отмечали, что учителя и классные наставники «старались всеми зависящими от них средствами выполнить возложенные на них обязанности», а именно: стремились развить и укрепить в своих воспитанниках любовь к правде, труду и науке, сознание своего долга, чувство религиозности, любви к отечеству, содействовали искоренению «дурных» привычек и наклонностей в учениках. Большое внимание в этой связи уделялось самой гимназической среде: по определенным правилам были оформлены учебные кабинеты, актовый зал, зоны рекреации

и иные помещения. Целый комплекс воспитательных мероприятий, организованных педагогами, органически вплелся в образ жизни учебных заведений: торжества по случаю знаменательных дат, религиозных праздников, литературно-музыкальные утренники и вечера, беседы на морально-этические темы, экскурсии и т.д.

Педагогическая пресса начала XX в. с более широких социальных позиций начала рассматривать роль и влияние семьи на формирование личности ребенка. В публикациях подчеркивалось, что родители призваны всемерно укреплять авторитет учителя и школы, причем, совместными усилиями готовить подрастающее поколение к общественно полезной деятельности, воспитывать уважение и любовь к труду, приучать к дисциплине, заботиться об умственном, физическом и нравственном развитии детей и т.д. Для ознакомления с условиями домашней жизни педагоги посещали ученические квартиры, вели беседы с родителями и опекунами детей, организовывали встречи в учебных заведениях. Результаты своих наблюдений заносили в особую книгу; наиболее важные записи, по усмотрению директора гимназии, обсуждались на заседаниях педагогического совета. В начале XX в. для более тесной связи семьи и школы создаются родительские комитеты. Руководство Виленского учебного округа отмечало, что семья, «будучи предупреждена о замеченных отклонениях ребенка от желательного поведения, может стать наиболее влиятельно и благотворно союзницей школы в деле его исправления» [14, с. 298].

Таким образом, учебно-воспитательная деятельность педагогов была направлена на формирование образованного, культурного и высоко нравственного подрастающего поколения – будущих граждан страны. Вместе с тем, характер организации воспитательной и профилактической работы в учебных заведениях Беларуси второй половины XIX – начала XX в. характеризовался определенной двойственностью и непоследовательностью: наряду с формализмом, авторитаризмом, автоматическим следованием установленным предписаниям, которые порождали определенную враждебность и отчужденность во взаимоотношениях между учителями и учениками, в педагогическую практику начали активно проникать демократические и гуманистические средства и методы воспитания. Они способствовали росту авторитета учителя и одновременно воспитанию новой, свободной личности учащегося, ответственной за свои дела и поступки.

Литература:

1. Евдокимова, Е. Л. Гимназическое образование в Беларуси: исторический опыт и тенденции развития (XIX – начало XX в.) / Е. Л. Евдокимова. – Минск: Изд-во НИО, 1998. – 140 с.
2. Корнилов, И. П. Русское дело в Северо-Западном крае. Материалы для истории Виленского учебного округа преимущественно в муравьевскую эпоху / И. П. Корнилов. – СПб.: тип. А. П. Лопухина, 1901. – 420 с.
3. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). Ф. 2416. Оп. 1. Д. 4. Циркуляры о мерах по улучшению дисциплины в средних учебных заведениях.
4. НИАБ. Ф. 2645. Оп. 1. Д. 163. Наряд копий циркуляров.
5. Настольная книга по настольному образованию: в 3 т. / сост. Г. Фальборк, Г. Чарнолуский. – СПб.: Тип. Б.М. Вольфа. – Т. 3. – С. 1539–2623.
6. Симонович, А. Заметки из дневника сельской учительницы / А. Симонович // Русская школа. – 1893. – № 11. – С. 18–40.
7. Саломатин, П. Наказания в народной школе / П. Саломатин // Русская школа. – 1916. – № 9. – С. 20–27.
8. Пагашчанін. Старабеларуская вясковая школа / Пагашчанін // Крывіч. – 1923. – № 1. – С. 26–31.
9. Историческая записка о Мозырской прогимназии / сост. К. Шпак-ским. – Мозырь: тип. Х.В. Кугеля, 1909. – 150 с.
10. Острогорский, В. Из истории моего учительства. Как я сделался учителем (1851–1864 гг.) / В. Острогорский. – СПб.: изд. Н.В. Емельянова, 1914. – 178 с.
11. НИАБ. Ф. 2670. Оп. 1. Д. 15. Кондуитный журнал Витебского четырехклассного городского училища.
12. НИАБ. Ф. 476. Оп. 1. Д. 61. Циркуляры попечителя ВУО об участии воспитанников учебных заведений в чествовании памяти Н.В. Гоголя и В. А. Жуковского.
13. Лубенец, Т. Народные учителя / Т. Лубенец // Русская школа. – 1912. – № 3. – С. 24–36.
14. По вопросу о поведении учащихся // Циркуляр по Виленскому учебному округу. – Вильно: тип. А. Г. Сыркина, 1903. – № 718. – С. 293–300.